

Научная статья

УДК 81'139

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-71-87

Молитва как творчество в религиозном дискурсе Православия (константы и новации)

Валентина Ильинична Постовалова

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия
aroni4@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0201-8285>

Аннотация

На материале теолингвистического описания одного из древнейших дискурсов в мире человека – эвхологического, или дискурса молитвы, – рассматривается вопрос о возможности, специфике и границах применения лингвокреативного подхода к характеристике религиозного дискурса. Анализируется парадоксальная ситуация несовпадения в восприятии православной молитвы со стороны внешнего наблюдения и изнутри православного духовного опыта. С позиции православного мирозерцания молитва (соборная и персональная) предстает как неповторимая духовно-семиотическая деятельность, вечно новая по содержанию при неизменности формы. В религиозном самосознании верующих феномен вечной новизны молитвы усматривается в творческом начале молитвенного опыта. Эксплицируются богословские основания творческого характера молитвы и внутренние резервы эвхологического дискурса для возможности реализации в нем «бесконечного» творческого начала. Раскрываются основные черты эвхологического дискурса – мистическая (таинственная) природа, благодатность (открытость Божественным энергиям), чудодейственность (сверхъестественное онтологическое действие молитвы), апофатизм (недоступность для исчерпывающего рационального объяснения).

© Постовалова В. И., 2021

Ключевые слова

творчество, эвхологический дискурс, молитва, литургическая молитва, Иисусова молитва, молитвотворчество, вариативность молитвы

Для цитирования

Постовалова В. И. Молитва как творчество в религиозном дискурсе Православия (константы и новации) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 71–87. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-71-87

Prayer as Creativity in the Religious Discourse of Orthodoxy (Constants and Innovations)

Valentina I. Postovalova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
aroni4@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0201-8285>

Abstract

On the basis of the theolinguistic description of one of the oldest discourses in the human world – the euchological, or the discourse of a prayer – the issue of the possibility, specifics and limits of the application of the linguocreative approach to the characterization of religious discourse is considered. The paper analyzes the paradoxical situation of the discrepancy in the perception of Orthodox prayer from the outside observation and from the inside of the Orthodox spiritual experience. From the perspective of the Orthodox worldview, prayer (conciliar and personal) proved to be a unique spiritual and semiotic activity, eternally new in its content, while its form remains unchanged. In the religious consciousness of believers, the prayer's eternal novelty is perceived as a creative beginning of the prayer experience. The article reveals the theological foundations of the creative nature of the prayer as well as the internal recourses of euchological discourse for realizing the “infinite” creative potential in it. The main features of euchological discourse are depicted – mystical (mysterious) nature, grace (the openness to Divine energies), miracle-working (the supernatural ontological action of prayer), apophaticism (the inaccessibility for an exhaustive rational explanation).

Keywords

creativity, euchological discourse, prayer, liturgical prayer, Jesus prayer, prayer-making, variation of prayer

For citation

Postovalova V. I. Prayer as Creativity in the Religious Discourse of Orthodoxy (Constants and Innovations). *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 71–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-71-87

Молитва, по качеству своему, есть пребывание и соединение человека с Богом; по действию же, она есть <...> сокровище безмолвников <...> зеркало духовного возрастания <...> предвестница будущего воздаяния, знамение славы.

Иоанн Синайский, преп. [2001]

Религиозный дискурс в коммуникационном пространстве бытия: молитва и лингвокреативный подход к ее осмыслению

Когда-то в одной из своих бесед протоиерей Александр Геронимус, православный священник, математик и богослов, заметил, что люди, далекие от Церкви, нередко задаются вопросом о том, как не наскучивает священнослужителям на каждом богослужении произносить один и тот же текст Божественной Литургии. И, удивляясь даже самой постановке такого вопроса, восклицал: «Ведь Литургия – всегда такая разная». В этом ответе запечатлен православно-христианский взгляд на Литургию, которая, по выражению архимандрита Софрония (Сахарова), благоволением Христа, «будучи неповторимой, в веках повторяется» [Софроний (Сахаров), 1985, с. 226].

Подобный вопрос возникает у многих и относительно так называемой Иисусовой молитвы – краткой молитвы, мистическим центром которой является имя Иисуса Христа. Основной текст этой молитвы, творящейся непрерывно подвижником-исихастом в молитвенном подвиге священно-безмолвия и практически не меняющийся в веках, составляет краткое молитвословие: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного*. Подвижник же, произнося такую молитву, переживает «каждое молитвенное действие как новое событие» [Серафим (Барадель), 2009, с. 73]. Для него молитва есть «одна из высочайших форм благого бытия, неуничтожимого, вечного» [Старец Силуан, 1996, с. 181].

Основания для появления таких вопросов со стороны тех, кто наблюдает духовную жизнь Православия извне, вполне понятны. При подобном подходе не учитывается мистическая («тайнственная») природа религиозного дискурса и его сущностное отличие в этом плане от дискурсов другого типа. Ведь очень трудно даже чисто гипотетически представить ситуацию, когда на театральной сцене идет только одна и та же пьеса или когда

человеком где-либо для себя или для кого-то другого непрерывно произносится текст только одного, пусть и даже самого проникновенного, поэтического произведения. А именно такой парадоксальной для внешнего наблюдателя – неповторимой и вечно новой при всей своей видимой повторяемости и неизменности – предстает картина соборного храмового действия и молитвы подвижника в православном духовном опыте. В видении же самого Православия, Церковь всегда является новой и современной, где «старое звучит по-новому, и новое обретает себя в старом, в тайне единства Святой Троицы и Царствия Святых»¹.

В православном самосознании феномен вечной новизны молитвы усматривается в творческом, или, на языке современной мысли, «креативном», характере молитвенного опыта. Как утверждает архимандрит Софроний (Сахаров), «молитва есть бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 7]. Однако пути такого творчества весьма сложны. Возникает вопрос, какой же лингвобогословский смысл вкладывал архим. Софроний (Сахаров) в свое утверждение о молитве как бесконечном творчестве? В чем состоит, в его интерпретации, творческий характер молитвы? Или, в переводе на современный метаязык: в чем заключается лингвистическая креативность «эвхологического дискурса» (от др.-греч. εὐχή ‘молитва’ и λέγω ‘говорю’) – дискурса молитвы – как одного из древнейших дискурсов в мире человека?

По утверждению митрополита Иерофея (Влахоса), архимандрит Софроний (Сахаров) рассматривал молитву «как путь творчества» [Иерофей (Влахос), 2013, с. 424]. Для него, по словам схиигумена Серафима (Бараделя), многолетнего келейника и ученика старца Софрония, молитва была «лишь иным названием творчества» [Серафим (Барадель), 2009, с. 74]. О «предельно творческом» характере делания умной молитвы в мистикобогословской интерпретации архим. Софрония (Сахарова) говорит и архим. Захария (Захару), его послушник, хорошо знавший богословское учение старца [Захария Захару, 2002, с. 220]. Но что же есть творчество?

¹ Серафим (Барадель-Покровский), схиигумен. Молитвенный и литургический опыт старца Софрония (Сахарова). URL: stepenna.blogspot.com...liturgicheskij-opyt-starca... (дата обращения 13.05.2021).

Творчество в самосознании *homo religiosus*

Основу православного понимания творчества составляет богооткровенное знание о сотворении Богом мира «из ничего» (οὐκ ἐξ ὄντων, ex nihilo) (2 Мак. 7. 28) и учение о человеке как образе и подобии Божию (Быт. 1. 26, 27). Признавая, что проблема творчества чрезвычайно глубока, архим. Софроний (Сахаров) как богослов и мистик связывал эту проблему с теоцентрическим характером творчества. В соответствии с таким пониманием всякое творчество в этом мире есть «не больше, чем некое вступление в ту беспредельность, которую так щедро раскрывает перед нами Творец Безначальный» [Софроний (Сахаров), 2018, с. 71–72]. Истоки подобного понимания творчества архим. Софроний (Сахаров) усматривал в следующих словах Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить (ποιεῖν) Сам от Себя, если не увидит Отца творящего (ποιούντα): ибо, что творит (ποιῆ) Он, то и Сын творит (ποιεῖ) также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит (ποιεῖ) Сам» (Ин. 5. 19–20) [Софроний (Сахаров), 2009, с. 134].

Но если «Единородный Сын, став Сыном Человеческим, во всем уподобится нам», – замечает архим. Софроний, – то, следовательно, и «все, что Он говорит о Самом Себе как Сыне Человеческом приложимо к каждому из нас» [Там же]. А это означает, что «во Христе мы призваны стать общниками всего творческого Акта Бога и Отца нашего» [Там же, с. 135]. Ибо творчество наше в своем последнем смысле и есть «соучастие» в творчестве Безначального Отца [Софроний (Сахаров), 2018, с. 149]. Такое соучастие в творчестве Бога-Отца означает для архим. Софрония, во-первых, «приобщение Его предвечной жизни», «постижение Его вечной воли» и «Его вечной мысли» [Там же]; во-вторых, обретение видения вещей так, «как видит их Сам Отец» [Там же]; и, в-третьих, «достижение последнего совершенства через пребывание в потоке Божественной вечности, куда первым вошел Христос Человек» [Софроний (Сахаров), 2009, с. 132]. Именно это и есть, в понимании старца Софрония, «истинное творчество», наивысшее из всего доступного человеку [Там же, с. 133].

По воспоминаниям схиигумена Серафима (Барадея), архим. Софроний (Сахаров), обращаясь в своих духовных беседах к братии монастыря Святого Иоанна Предтечи в Эссексе (Англия), игуменом которого он был,

восклидал нередко: «Как бы я хотел, чтобы вы все были поэтами!»². Поэтами «в греческом смысле этого слова»: слово ποιητής («пиитис») по-гречески означает «творец»³, т. е. желал, чтобы монахи стали «вдохновенными творцами своего спасения, “со страхом и трепетом спасение свое содевающие”»⁴. Ведь «христианское спасение есть творческое строительство, в котором каждый строит свой дом (“в дому Отца моего обители многи суть”), хотя и на одном основании, “которое есть Иисус Христос”»⁵.

В своем истолковании творчества архим. Софроний (Сахаров) исходит из библейского представления о человеке, из «великой тайны “образа Божия в нас”: Персоны», или личности [Софроний (Сахаров), 1991, с. 96]. «Многогранен образ Божий в человеке», – замечает он [Софроний (Сахаров), 2009, с. 131]. И один из аспектов этого образа есть творческая сила. Как Персона, утверждает архим. Софроний, человек обладает свободой воли, проявляющейся в его творчестве. Но не в творчестве, понимаемом как творение чего-либо совершенно не бывшего и нового «из ничто» [Там же, с. 132]. Так творит единственно Бог, утверждает архим. Софроний. Человеку же такое творчество не дано.

Некоторые религиозные мыслители и богословы полагают, однако, что и человеку также дана способность «творить из ничего». Как утверждает Н. А. Бердяев: «И всякий творческий акт по существу своему есть творчество из ничего, т. е. создание новой силы, а не изменение и перераспределение старой» [Бердяев, 1989, с. 355]. По словам прот. А. Геронимуса, «Бог дал человеку, как о том свидетельствует преподобный Исаак Сирианин, даже способность творить из ничего» [Геронимус, 2014, с. 76]⁶. «Именно это имеется в виду, – замечает Геронимус, – когда мы говорим о поэтическом мире какого-то поэта или музыкальной вселенной, созданной композитором. Таково богоподобие человека» [Там же].

² *Серафим (Барадель-Покровский), схигумен.* Молитвенный и литургический опыт старца Софрония (Сахарова).

³ Там же.

⁴ *Серафим (Барадель-Покровский), схигумен.* Молитвенный и литургический опыт старца Софрония (Сахарова).

⁵ Там же.

⁶ Прот. А. Геронимус ссылается здесь на слова преп. Исаака Сирина: «Нередко она (вера. – В. П.) может производить и из не сущего» [Исаак Сириин, 1993, с. 119].

По мысли же архим. Софрония, свобода воли человека как Персоны относительно творчества проявляется в избрании такого типа творчества, которое может совершаться либо в согласии с волей Бога как Первого Художника и Творца всего, либо в уклонении от Его Божественной воли или даже в отвержении ее. И только то творчество, которое совпадает с волей Отца Небесного, утверждает архим. Софроний, «производит плоды, могущие перейти в вечность» [Софроний (Сахаров), 2009, с. 132]. Таково для архим. Софрония истинное творчество в мире молитвы.

По учению архим. Софрония, молитвенное творчество обладает свойством непрерывности. Некоторые религиозные мыслители связывают это онтологическое свойство молитвы с тем, что человеку как образу Божию присуще не просто стремление к творчеству, но стремление к «абсолютному творчеству», хотя, правда, и только как потенциальной возможности. «Творчество и состоит в этом непрерывном самополагании духа», – замечает Булгаков, – поскольку «всякое проявление творчества <...> совершенно его не исчерпывает» [Булгаков, 1994, с. 244, 243].

Молитва как творчество и ее онтологический статус

В истолковании молитвы как бесконечного творчества архим. Софроний (Сахаров) исходит из предельно широкого понимания молитвы, принятого в святоотеческой традиции⁷. По его словам, «всякое общение в духе есть уже молитва» [Софроний (Сахаров), 2007, с. 65]. Отсюда проистекает пневматологический характер молитвы. По словам архим. Софрония, «истинная молитва к Богу истинному есть общение с Духом Божиим, Который молится в нас» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 10]. В глубоком сердце человека, которое, по выражению архим. Захария (Захару), становится «метафизическим центром» и точкой соприкосновения с Богом, «открывается, действует и молится Дух Божий» [Захария (Захару), 2002, с. 329, 310].

Молитва, в понимании архим. Софрония, энергийна. Она есть «энергия особого порядка <...> слияние двух действий: нашего – тварного, и Божьего – нетварного» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 55]. В этом синергийном единении ведущей является энергия Божия, которая «теснейшим образом соединяется с нашей тварной природой» [Софроний (Сахаров), 2000, с. 67]. По существу своему, молитва, в понимании архим. Софрония, есть «действие Бога внутри нас» [Там же, с. 179]. По комментарию архим. Захария

⁷ См., например: [Исаак Сирий, 1993, с. 104, 166].

(Захару), старец Софроний определяет молитву как бесконечное творчество в контексте «сотрудничества человека и Бога» [Захария (Захару), 2002, с. 315]. Такое сотрудничество направлено прежде всего на воплощение Божественного замысла о сотворении человека, который, «будучи тварью <...> получил заповедь стать богом» [Софроний (Сахаров), 1985, с. 184].

По словам архим. Софрония, Бог призывает человека к «соучастию с Ним в Акте творения Им бессмертных богов» [Там же, с. 98]. И здесь особая роль отводится молитве. Подлинная молитва, по выражению архим. Софрония, «непременно восстановит в нас то Божественное дыхание, которое “вдунул Бог в лицо Адама” и в силу которого “Адам стал душою живою” (Быт. 2. 7)» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 8]⁸. И «молитвою возрожденный дух наш начинает удивляться великой тайне Бытия» [Там же]. Ведь само «прикосновение к нам творческой энергии Бога – нас новотворит» [Там же, с. 39].

Наиболее полно это проявляется при творении умной молитвы в мистико-аскетическом подвиге священнобезмолвия. Когда действие молитвы достигает своей полноты, пишет архим. Захария (Захару), излагая учение архим. Софрония (Сахарова), «совершается отвержение сердца, и человек приобретает опыт вечности» [Захария (Захару), 2002, с. 221]. В него «входит и поселяется Бог, осуществляя истинное обновление человека в онтологическом плане Своей любви» [Там же]. И «человек возрождается в безначальном Свете Божества» [Там же]. В состоянии «чистой молитвы» на вершинах священнобезмолвия человек бывает уже вне земных категорий. Он есть тогда «“новая тварь” во Христе Иисусе» [Софроний (Сахаров), 1985, с. 88]. Или – бог по благодати.

Молитва, в понимании архим. Софрония (Сахарова), носит антропocosмический характер. По его словам, «жизнь молящегося духа может, да и должна, получить космические измерения» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 74]. Человек при этом «становится воистину универсальным <...> по объему и масштабности захвата реального бытия; по приближению к последним граням возможного живого опыта в духе» [Там же, с. 74–75]. А молитва его «становится подобною молнии, в миг прорезывающей вселенную от края и до края» [Софроний (Сахаров), 1985, с. 97]. Такая благодатная молитва «озаряет светом всю вселенную» [Иерофей (Влахос), 2013, с. 404]. Она «вневременно проходит через все века» [Захария (Захару),

⁸ В Синодальном переводе: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2. 7).

2002, с. 321], проникает «и в будущее, и в прошлое», в глубь веков, «ушедших для нас или еще грядущих» [Софроний (Сахаров), 2018, с. 32], Достигает «и давно умерших, и еще имеющих по промыслу Божию родиться в сей мир» [Софроний (Сахаров), 2018, с. 32].

Такова литургийная молитва. Ведь Литургия охватывает собой, по выражению архим. Софрония, «не только библейские события, относящиеся к экономии спасения человека, но и вообще космическую жизнь, и даже то, что было до сотворения мира и чего ожидаем, когда “будет Бог все во всем” (1 Кор. 15. 28); когда “времени уже не будет” (Откр. 10. 6)» [Софроний (Сахаров), 1985, с. 224]. Недостигаемым образцом молитвы для человека в православно-христианском самосознании выступает Гефсиманская молитва Христа – «несомненно, наивысшая из всех молитв по своему внутреннему достоинству и по своей мироискупительной силе» [Там же, с. 231]. Принесенная Богу-Отцу в Духе Божественной любви, она, по словам архим. Софрония, «как Свет, никогда не умаляемый, вечно пребывает действительно в бытии мира» [Там же]. И хотя как исторический факт она длилась и недолго, но «как духовный акт любви Божией началась она “еще до сотворения мира” (1 Пет. 1. 20)⁹ и не прекращается до сего дня» [Там же].

Христианская молитва вечно жива, поскольку «сохраняется неизменно Богом живым во веки веков» [Софроний (Сахаров), 2018, с. 32]. Проходит век за веком, говорит архим. Софроний, но «в Духе Святом ничто не стареет» [Софроний (Сахаров), 1985, с. 223]. Ибо живой и животворящий Дух Святой действует и донныне. Такая вечно живая молитва способна влиять на судьбы всего мира. И «если в атмосфере Земли присутствует пламя молитвы, то она, невидимая <...> изменяет ход событий» [Софроний (Сахаров), 2009, с. 128].

Молитва как путь творчества и его направления

Если молитва в православном самосознании есть творчество, а творчество есть прежде всего созидание нового, то возникает вопрос о том, каковы внутренние резервы дискурса молитвы для реализации в нем этого бесконечного творческого начала. В понимании молитвы как опытного пути творчества в православном самосознании основной акцент делается на мистико-аскетическом, а не на чисто семиотическом начале молитвы, которое рассматривается как производное от первого. По словам архим.

⁹ В Синодальном переводе: «прежде создания мира» (1 Пет. 1. 20).

Софрония (Сахарова), «содержание жизни напряженно молящегося человека – подобно безбрежному океану живой воды» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 34]. Оно постоянно пребывает в движении. Дух наш «непрестанно обогащается, но не столько количеством новых слов или понятий, сколько углублением уже пережитых-стяжённых опытов» [Там же]. Ведь «с переменной опыта меняется содержание понятий и смысл, влагаемый в те же самые по звукам слова» [Там же, с. 51].

Хотя конечная цель молитвы и неизменна в веках, замечает архим. Софроний, но содержание молитвы в ходе жизни непрестанно меняется. Иногда она объемлет собой весь мир, а иногда сосредоточивается лишь на сиюминутных нуждах. Молитва как внутренний акт нашего духа, по выражению архим. Софрония, есть творчество, и «творчество высочайшее», «творчество по преимуществу» [Старец Силуан, 1996, с. 116]. И по причине этого она бесконечно разнообразна в своих проявлениях. Так, подвижник, бессильный выразить словом все, что он носит в себе, нередко молится вообще без слов, предстая перед Богом в полном и «безвидном молчании» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 65].

В отличие от различных дискурсов человеческого творчества, где значимая роль отводится воображению, подвижник-исихаст для достижения чистой молитвы должен, напротив, избегать всех видов воображения¹⁰. В соответствии с основным характером православной мистики – ее «безобразностью» – он не должен стремиться к «человеческому боговоображению» ни во время молитвы, ни при богомыслии, если только «Сам Бог не возбуждает образа в человеке» [Булгаков, 1991, с. 311]. Подвижник ищет истинного Бога Творца, «совлекшись всякого тварного образа», чтобы помолиться Ему лицом к Лицу [Старец Силуан, 1996, с. 138].

Понимая молитву как живое творчество духа и будучи сам наделен высоким гимнографическим даром молитвотворчества, архим. Софроний (Сахаров) придавал большое значение созданию новых молитв. Некоторые из сотворенных им молитв вошли в его книгу «Молитвенное приношение»¹¹. Некоторые из спонтанно рожденных молитв остались лишь в памяти его ближайших учеников. Вот как вспоминает об этой способности архим. Софрония к молитвотворчеству один из его учеников: «Я пошел за благословением к старцу. Он прочитал надо мною тут же составленную им

¹⁰ О различных видах воображения и духовной брани против них см.: [Захария (Захару), 2002, с. 232–239].

¹¹ См.: [Софроний (Сахаров), 1997, с. 177–186; 2004].

молитву, молитву огненную, содержащую в себе все основные мысли и всю глубину святоотеческого богословия. Он говорил как библейский патриарх, с неподдельной и бьющей ключом Божественною любовью. Когда старец возложил руку на мою голову и помолился, меня осенила такая благодать, такой огонь умиления, что и не в силах этого описать. Тогда я понял, что истинное богословие приобретает не дипломами, а истекает из чистого опыта подлинного покаяния, смиренного плача и послушания, путем которых шел старец до последнего своего издыхания»¹².

Для сохранения глубины в восприятии церковных молитв архим. Софроний считал возможным в случае необходимости привносить некоторые изменения в их тексты. Особенно это касалось Иисусовой молитвы, творение которой занимает значительное место в духовной жизни православного подвижника. Как пояснял архим. Софроний, «отцы наши наставляют нас молиться Именем Иисуса, не часто меняя формулу. Но, с другой стороны, время от времени это необходимо для обновления внимания, для усиления даже молитвы, когда ум переходит в богословские созерцания или расширяется сердце, чтобы обнять весь мир» [Софроний (Сахаров), 1991, с. 205].

В книге «О молитве» архим. Софрония предлагается около пятидесяти вариантов модификации текста Иисусовой молитвы при сохранении ее общей двухчастной структуры [Там же, с. 158–205]. По лаконичному выражению архим. Софрония, Иисусова молитва соединяет в себе «догматическое исповедание с покаянием» [Там же, с. 165]. В первой части Иисусовой молитвы *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий*, замечает архим. Софроний, мы «исповедуем Христа-Бога, воплотившегося нашего ради спасения» [Там же, с. 164–165]. Имя Иисус, что значит Спаситель или Бог-Спаситель, «открывает нам смысл или цель прихода Бога во плоти: “нашего ради спасения”» [Там же, с. 150]. Во второй же части молитвы – *помилуй мя, грешного* – мы «раскаянно признаем наше падение, нашу греховность и искупление» [Там же, с. 165].

Помимо основного прошения классического варианта Иисусовой молитвы *помилуй* в предлагаемых вариантах Иисусовой молитвы архим. Софрония добавляется прошение о спасении (*спаси*). Но самое главное его привнесение в молитву составляет включение в число субъектов помилования и спасения не только самого молящегося: *мя* (окаянного и грешно-

¹² *Серафим (Барадель-Покровский), схизмуен*. Молитвенный и литургический опыт старца Софрония (Сахарова).

го), но – и *нас, и Церковь Твою, и мир Твой*. В этом привнесении усматривается установка на введение в православную молитвенную жизнь благодатной «молитвы за весь мир» старца Силуана Афонского.

По наблюдению П. А. Флоренского, универсальная тайносовершительная формула молитвы содержит пять элементов: 1) обращение; 2) ссылка на онтологическое основание для обращения с каким-либо прошением; 3) само прошение; 4) поддержка («подпираание») прошения; 5) «мистическая скрепа»: Аминь [Флоренский, 2004, с. 379–412]. Классическая формула Иисусовой молитвы в явном виде содержит первые три части. Часть первая – обращение к Богу: «Господи, Иисусе Христе». Часть вторая – онтологическое основание для возможности обращения с молитвенной просьбой с надеждой на ее исполнение: «Сыне Божий». Третья часть – собственно само прошение: «помилуй мя грешного». Наименьшая вариативность текста Иисусовой молитвы в гимнографических опытах архим. Софрония (Сахарова) касается первой части данной молитвы – обращения к Богу, где встречаются только пять вариантов. Это: *Господи; Иисусе; Христе Иисусе; Иисусе* и, наконец, обращение без упоминания Имени.

Наиболее развернутый список вариативности в его гимнографических опытах представлен во второй части Иисусовой молитвы, где приводятся мистико-богословские основания для обращения к прошению. Варианты этой части достаточно разнообразны. Вот некоторые из них – *Боже (наш, мой, Великий и Святой); Спасе (наш, мой); Сыне (Божий и Боже, Бога Живого Предвечного Отца); Сыне и Слове Бога Живого; Единородный (Сыне, Сыне Отца, Сыне Отчий); Вседержитель (Благий); Единый и Единый (Святой, истинный Спаситель наш); Собезначальный (Отцу Сыне, Слове Безначального Твоего Отца)*. Четвертая и пятая части молитвы (понимаемой по Флоренскому) в вариантах Иисусовой молитвы у архим. Софрония отсутствуют. И лишь в одном из них просматриваются элементы четвертой части, где адорант (молящийся), обращаясь к Иисусу Христу с просьбой помиловать *нас и Церковь Твою*, добавляет: *молитвами Богородицы, святых апостолов и всех от века святых Твоих* [Софроний (Сахаров), 1991, с. 196].

* * *

Тайна духовной жизни – в ее неисчерпаемости
и всегда новом творчестве.

Протоиерей С. Булгаков. Духовный дневник

В заключение вернемся к вопросу о том, в чем же заключается специфика эвхологического дискурса (или дискурса молитвы) в плане осмысления творчества в данном типе дискурса. Молитва, по словам архим. Софрония (Сахарова), есть «предстояние наше пред лицом Абсолютного Бога» [Софроний (Сахаров), 2009, с. 119] и предстояние Богу «лицом к Лицу» [Там же, с. 122]. В такой молитве предпринимается попытка «войти в единение с тем, что превышает нашу природу тварную» [Там же, с. 119]. В этом смысле молитва является актом, «“вышестественным” для нашего мира» [Там же]. Как акт богочеловеческий, христианская молитва, следовательно, имеет «сверхприродный характер» [Захария (Захару), 2002, с. 316]. В ней «всякая сторона или сила человеческого естества, возносящаяся к Богу в молитве, становится сверхмирной» [Там же, с. 315].

Имея в виду этот момент сверхъестественного онтологического действия молитвы, некоторые богословы говорят о чудотворности молитвы. По словам прот. С. Булгакова, «...молитва искренняя, сердечная *всегда* имеет действие и *всегда* исполняется, она *всегда* чудотворна, ибо подвижна все-сильным и страшным Именем Божиим» (курсив о. Сергия. – *В. П.*) [Булгаков, 2003, с. 15–16]. Такая исполняющаяся молитва есть «непрестанное чудо милости Божией» [Там же, с. 24]. И «вся жизнь становится чудом» [Там же].

Специфику эвхологического дискурса в его мистико-богословском представлении составляет убежденность в том, что молитва как богочеловеческое творчество в своих высших формах, направленных на преобразование человека и мира, осуществляется уже сейчас, а не относится к последним, эсхатологическим, временам. Этим эвхологический дискурс отличается от теургического дискурса как высшей эсхатологической формы творческой деятельности, направленной на грядущее «реальное преобразование мира <...> усилиями самого преобразованного человека» [Бычков, 2007, с. 709]. В истолковании Н. А. Бердяева, теургия (или «богодействие»), которую он называл последним пределом человеческого творчества, есть «искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как существо» [Бердяев, 1989, с. 457]. По его мысли, теургия, находящая ныне свое выражение в художественном творчестве, наиболее полно реализуема

только в будущем, когда творец перейдет от «создания произведений искусства и культуры к <...> созиданию нового бытия на чисто эстетических принципах» [Бычков, 2007, с. 711].

В молитве как бесконечном творчестве наиболее глубоко явлены такие черты феномена творчества, как духовность и благодатность, онтологическая укорененность в бытии и открытость его Божественным энергиям. Для эвхологического дискурса, в отличие от дискурсов другого типа, высока значимость апофатического момента – признания момента неизъяснимости тайны молитвы, недоступности ее для исчерпывающего рационального объяснения. Но – и возможности ее опытного проживания. В одной из духовных бесед архим. Софроний, упоминая о своей ранней статье «О молитве Иисусовой» из книги «О молитве», где приводил сжатое и краткое описание традиционного толкования Иисусовой молитвы, говорил: «Но тайна этой молитвы, так же как тайна Христа, – необъяснима, и дается жить ее, эту тайну, опытом» [Софроний (Сахаров), 2007, с. 90]¹³.

Список литературы

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.

Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991.

Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.

Булгаков С., прот. Дневник духовный. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2003.

Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007.

Геронимус А., прот. Рождение от Духа. Что значит жить в православном Предании. М.: Никея, 2014. («Встречи с Богом»)

Захария (Захару), архим. Христос как путь нашей жизни. Введение в богословие старца Софрония (Сахарова) / Пер. с новогреч. М.: Лепта-Пресс [и др.], 2002.

Иерофей (Влахос), митр. «Знаю человека во Христе...»: Жизнь и служение старца Софрония, исихаста и богослова / Пер. с греч. В. Щербакова,

¹³ В идиолекте архим. Софрония (Сахарова) глагол *жить* является переходным.

Е. Ильиной, Е. Беленькой; под общ. ред. иером. Николая (Сахарова). СТСЛ, 2013.

Иоанн Синайский, преп. Лествица. М.: Изд-во Православного братства святого апостола Иоанна Богослова, 2001.

Исаак Сирий, преп. Творения: Слова подвижнические. М.: Правило веры, 1993.

Серафим (Барадель), схигумен. О молитве архимандрита Софрония. *Отверзу уста моя, и наполнятся духа...* // Видевшие Свет. Преподобный Силуан Афонский и старец Софроний (Сахаров). Издание храма в честь иконы Тихвинской Божией Матери, 2009. С. 67–80.

Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. Essex: Stavropegic Monastery of St. John the Baptist, 1985.

Софроний <(Сахаров)>, архим. О молитве: Сб. ст. Paris: Умка Press, 1991.

Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Изд-во Братства Святителя Тихона, 1997.

Софроний <(Сахаров)>, архим. Рождение в Царство непоколебимое. М.: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь; Паломник, 2000.

Софроний (Сахаров), архим. Молитвенное приношение старца Софрония. Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь; М.: Паломник, 2004.

Софроний (Сахаров), архим. Духовные беседы. Эссекс; Москва: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Паломник, 2007. Т. 2.

Софроний (Сахаров), архим. Таинство христианской жизни. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009.

Софроний (Сахаров), архим. Главы о духовной жизни. СТСЛ, 2018.

Старец Силуан Афонский. Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в г. Москве, 1996.

Флоренский П. А., свящ. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004.

References

Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, Pravda, 1989. (in Russ.)

Bulgakov S. N. *Pravoslavie: Ocherki ucheniya pravoslavnoy tserkvi* [Orthodoxy: Essays on the Teachings of the Orthodox Church]. Moscow, Terra, 1991. (in Russ.)

Bulgakov S. N. Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya [The non-evening light. Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika, 1994. (in Russ.)

Bulgakov S., prot. Dnevnik dukhovny [Spiritual Diary]. Moscow, Obshchedostupny pravoslavny universitet, osnovanny protoiereem Aleksandrom Menem, 2003. (in Russ.)

Bychkov V. V. Russkaya teurgicheskaya estetika [Russian Theurgical Aesthetics]. Moscow, Lodomir, 2007. (in Russ.)

Florensky P. A., svyashch. Sobranie sochineniy. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoy antropoditsei) [Collected works. The Philosophy of the Cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy)]. Moscow, Mysl', 2004.

Geronimus A., prot. Rozhdenie ot Dukha. Chto znachit zhit' v pravoslavnom Predanii [Birth from the Spirit. What it means to live in the Orthodox Tradition]. Moscow, Nikeya, 2014. (in Russ.)

Ierofey (Vlakhos), mitr. "Znayu cheloveka vo Khriste...": Zhizn' i sluzhenie startsa Sofroniya, isikhasta i bogoslova ["I know a man in Christ...": The Life and Ministry of the Elder Sophrony, hesychast and theologian]. Trans. from Greek by V. Shcherbakov, E. Ilina, E. Belenkaya; ed. by ierom. Nikolay (Sakharov). STSL, 2013. (in Russ.)

Ioann Sinaisky, prep. Lestvitsa [Ladder]. Moscow, Izd-vo Pravoslavnogo bratstva svyatogo apostola Ioanna Bogoslova, 2001. (in Russ.)

Isaak Sirin, prep. Tvoreniya: Slova podvizhnicheskie [Creations: Ascetic Words]. Moscow, Pravilo very, 1993. (in Russ.)

Serafim (Baradel), shiigumen. O molitve arhimandrita Sofroniya. Otverzu usta moya, i napolnyatsya dukha... [About the prayer of Archimandrite Sophronius. I will open my mouth, and they will be filled with the spirit...]. In Videvshie Svet. Prepodobny Siluan Afonsky i starets Sofrony (Sakharov). Izdanie khrama v chest' ikony Tikhvinskoy Bozhiey Materi, 2009, pp. 67–80. (in Russ.)

Sofrony (Sakharov), arkhim. Videt' Boga kak On est' [To see God as He is]. Essex: Stavropegic Monastery of St. John the Baptist, 1985. (in Russ.)

Sofrony <(Sakharov)>, arkhim. O molitve [About prayer]. Collection of articles. Paris, Ymca Press, 1991. (in Russ.)

Sofrony (Sakharov) arkhim. Pis'ma v Rossiju [Letters to Russia]. Essex, Moscow, Svyato-Ioanno-Predtechensky monastyr'; Izd-vo Bratstva Svyatitelya Tikhona, 1997. (in Russ.)

Sofrony <(Sakharov)>, arkhim. Rozhdenie v Tsarstvo nepokolebimoe [Birth into the Unshakable Kingdom]. Moscow, Svyato-Ioanno-Predtechensky monastyr'; Palomnik, 2000. (in Russ.)

Sofrony (Sakharov), arkhim. Molitvennoe prinoshenie startsa Sofroniya [Prayer offering of the Elder Sophronius]. Essex, Moscow, Svyato-Ioanno-Predtechensky monastyr'; Palomnik, 2004. (in Russ.)

Sofrony (Sakharov), arkhim. Dukhovnye besedy [Spiritual conversations]. Essex, Moscow, Svyato-Ioanno-Predtechensky monastyr', Palomnik, 2007, vol. 2. (in Russ.)

Sofrony (Sakharov), arkhim. Tainstvo khristianskoy zhizni [The sacrament of the Christian life]. Svyato-Ioanno-Predtechensky monastyr', Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2009. (in Russ.)

Sofrony (Sakharov), arkhim. Glavy o dukhovnoy zhizni [Chapters on the spiritual life]. STSL, 2018. (in Russ.)

Starets Siluan Afonsky [The elder Siluan of Athos]. Podvor'e Russkogo na Afone Svyato-Panteleimonova monastyrya v g. Moskve, 1996. (in Russ.)

Zakhariya (Zakharu), arkhim. Khristos kak put' nashey zhizni. Vvedenie v bogoslovie startsa Sofroniya (Sakharova) [Christ as the way of our life. Introduction to the theology of the Elder Sophrony (Sakharov)]. Moscow, Lepta-Press, 2002. (in Russ.)

Информация об авторе

Валентина Ильинична Постовалова, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Valentina I. Postovalova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 12.06.2021; одобрена после рецензирования 10.07.2021; принята к публикации 10.07.2021

The article was submitted 12.06.2021; approved after reviewing 10.07.2021; accepted for publication 10.07.2021